

Его звали Юболо.

Если наставник Монапо внушал народу благоговение, то Юболо заставлял людей сойти с ума.

Бродячие поэты воспевали его лик, прекрасные девы склонялись перед ним в танце, вельможи превозносили его мудрость, а члены царской семьи теряли от него голову.

Если Монапо в глазах Династии Превосходящей Птицы был богом, то Юболо стал её земным владыкой.

Однако в глазах этого изысканного, обволакивающего своим обаянием политика существовал лишь один человек — Чжаньдуоло.

Поначалу Цзян Жуцзину это казалось благом. В жестоком мире иметь кого-то, кто добр к тебе, — высшее утешение. Но однажды в отражении воды он увидел глаза Чжаньдуоло.

Это случилось душным послеполуденным часом после сильной грозы. Земля была залита водой. Чжаньдуоло бежал куда-то, не глядя под ноги, и нечаянно наступил в глубокую лужу, обрызгав подол мантии и сандалии. На мгновение он замер, словно чья-то невидимая рука коснулась его души, и опустил взгляд на рябь у своих ног.

Там он увидел себя.

Но это был уже не тот прежний Чжаньдуоло.

Сейчас он буквально расцвёл, словно сухая коряга, пустившая по весне свежие почки. Он улыбнулся и посмотрел с надеждой — так смотрит грешник, обретший спасение в глубинах Великого ада Авичи. Спасённый, он жаждал отдать всё: будущее, веру, саму жизнь — тому, кто протянул ему руку.

Всё это он принёс в дар Юболо.

Лицо Цзян Жуцзина исказилось. Охваченный внезапным ужасом, он смотрел, как Чжаньдуоло возобновил свой бег к поместью Юболо, и закричал во весь голос:

— Не ходи! Не смей! Он лжёт тебе! Всё это — фальшь! Остановись!

Но Чжаньдуоло не слышал. Сияя улыбкой спасённой души, он стремился к своему божеству.

Он так отчаянно нуждался в искуплении.

Юболо стал его личным Буддой. Тот сжал его худую, огрубевшую ладонь и вытащил из трясины брэнного мира.

Цзян Жуцзин замер с выражением лица, в котором смешались плач и смех. В Чжаньдуоло он видел себя.

Как он сам когда-то, не сомневаясь ни секунды, бросался вслед за фигурой в одеянии цвета сандала. Как выкладывал перед ним сокровища, лишь бы вызвать мимолётную радость, как совершал безумства, чтобы привлечь внимание, как сеял хаос, заставляя того беспокоиться о себе.

Будущее, вера, жизнь — всё было принесено в жертву.

Цзян Жуцзин горько, уродливо и жалко усмехнулся.

Он наблюдал, как Чжаньдуоло взрослел, превращаясь из щуплого ребёнка в статного и прекрасного юношу. Юболо обучил его многому: стратегии, боевым искусствам, тонкостям светского общения. Постепенно Чжаньдуоло научился распознавать желания старого царя и завоёвывать его расположение.

Он видел, как Чжаньдуоло начал открыто противостоять церкви, не гнушаясь никакими средствами, чтобы сокрушить врагов.

Под незримым руководством Юболо Чжаньдуоло становился всё более фанатичным и мрачным.

Цзян Жуцзин бесчисленное количество раз срывал голос в крике, пока наконец не закрыл глаза, в оцепенении ожидая развязки.

Взрыв произошёл именно тогда, когда это было нужнее всего.

Чжаньдуоло только что вернулся после подавления очередного мятежа. Даже не смыв кровь с доспехов, он помчался в поместье Юболо, жаждая объятий. Но вместо ласки он нашёл своего «Будду» в беспамятстве, покрытого шрамами, — над ним глумились принцы и принцессы.

Как долго это продолжалось?

Чжаньдуоло вспомнил последний месяц перед походом. Он был слишком занят тем, чтобы выслужиться перед старым царём и вырвать право на командование армией. Он видел, что Юболо побледнел, но у него никогда не хватало времени просто спросить: «Что с тобой?».

Вот оно что.

Оказывается, эти безумцы давно посягнули на то, что было ему дороже жизни.

Он обнажил клинок, который Юболо когда-то нашёл для него. На глазах у оцепеневших от ужаса родственников он превратился в яростного демона, вписав своё имя в историю как «убийца девяноста девяти братьев и сестёр».

Юболо очнулся в самый разгар резни. Он смотрел с отчаянием, а голос — хриплым и слабым:

— Ты... ты всё видел.

Чжаньдуоло прижал к себе своё божество. По лицу грозного полководца, в комнате, пропитанной запахом крови, беззвучно катились слёзы.

Он не видел, что за его спиной Юболо неуловимо изменился в лице. От бывшего отчаяния не осталось и следа. Он равнодушно посмотрел на груды тел и отрубленных конечностей и почувствовал ледяное удовлетворение.

Эта кровавая баня потрясла всё царство. Старый царь едва не лишился чувств от гнева и велел немедленно схватить Чжаньдуоло, чтобы казнить его на месте.

Чжаньдуоло и Юболо пустились в бега. Спускаясь вниз по реке, они добрались до окрестностей буддийского храма Кхалан.

Юболо затащил Чжаньдуоло внутрь и рухнул на колени перед своим злейшим врагом — наставником Монапо.

— Прошу тебя, — выдохнул он. — Защити его.

Старое дерево, холодная лампа, простое монашеское одеяние. Как небо и земля, как смерть и жизнь.

Это была лишь вторая встреча Чжаньдуоло с Монапо. Ему казалось, что святой наставник ничуть не изменился с тех пор, как он видел его в детстве. Принцу было не до него — он лишь не мог вынести того, что его бог стоит на коленях перед кем-то другим, и тщетно пытался поднять Юболо.

Но для Цзян Жуцзина это тоже была не первая встреча. Одного взгляда хватило, чтобы узнать этого человека.

Ли Ле.

Мысленно произнеся это имя, он почувствовал, как покой в его душе сменился бушующим штормом.

Перебирая чёрные чётки тонкими пальцами, Монапо — он же Ли Ле — улыбнулся одновременно милосердно и беспощадно:

— Я же говорил, что рано или поздно ты проиграешь.

Юболо выглядел смиренным:

— Умоляю тебя, старший брат.

Чжаньдуоло знал лишь то, что Юболо унижается перед врагом ради него, но не подозревал о скрытых пружинах этой игры.

Ли Ле неспешно поднял один палец:

— Сначала оплата, потом товар. Сдавай очки.

При виде этого пальца Юболо изменился в лице, но из-за присутствия Чжаньдуоло не мог торговаться. Ему пришлось изобразить полную покорность:

— Хорошо.

Он поднял правую руку к груди. В его ладони начал формироваться маленький шар, мерцающий синим светом, внутри которого хаотично мелькали символы, непонятные ни Чжаньдуоло, ни Цзян Жуцзину.

Он бросил этот шар Ли Ле. Тот поймал его, удовлетворённо кивнул и произнёс:

— Это и есть твой «объект прохождения»? Пусть вступает в общину. Сначала переоденьте его и обрейте наголо.

Сказав это, он поднялся и вышел.

Чжаньдуоло, видя, как мгновенно побледнел Юболо, бросился к нему, осыпая вопросами:

— Что ты ему отдал? Это причинило тебе вред? Зачем ты так рискуешь? Неужели я стою такой жертвы?

Цзян Жуцзин смотрел на это с каменным лицом, опустив веки.

На какую высоту в ту эпоху поднялся статус буддийского монаха?

Когда солдаты, посланные царём, достигли храма Кхалан, за десять ли до него они сняли доспехи. С каждым шагом они опускались на колени, совершая три земных поклона, пока в глубоком почтении не достигли врат обители. Когда они шепотом изложили цель своего визита и увидели принца Чжаньдуоло в монашеской рясе, никто не посмел коснуться его и пальцем.

Стоящий рядом престарелый бхикшу провозгласил имя Будды и молвил:

— Принц Чжаньдуоло принял прибежище в вере. Мы надеемся, что Его Величество царь простит его прегрешения.

Старый царь помиловал сына, убившего всех его детей, и народ простил принца, «совершившего ошибку в порыве чувств».

Но с того дня здоровье Юболо начало стремительно угасать. Он был прикован к постели, а кровь хлестала из его горла нескончаемым потоком, подобно речным водам. Чжаньдуоло смотрел со всё большей нежностью и виной, в то время как его ненависть к наставнику Монапо, забравшему у Юболо некие важные «очки», росла с каждым днём.

Его глаза были застланы пеленой. Он не замечал удовлетворения в их взглядах.

У Цзян Жуцзина по спине пробежал холодок.

Однажды из храма Кхалан на берегу реки Цзило пришла весть, наполнившая народ скорбью, а верующих — трепетом: наставник Монапо ушёл в нирвану.

Вскоре старый царь, лежа на смертном одре, призвал Чжаньдуоло, передал ему трон и тоже покинул этот мир.

<http://bllate.org/book/17530/1705246>